

«Я подумал, что это оправдание никогда не исчезнет из обихода. Не только сил Тьмы, а еще и самых обычных человеческих подонков.

Он сам во всем виноват! У него была квартира, машина и дорогой мобильный телефон, а у меня — три рубля, хронический алкоголизм и похмелье каждое утро. Потому я и ждал его в подворотне с кирпичом, гражданин начальник... У нее были длинные ноги, семнадцать лет и красивый парень, а у меня — импотенция, порнографический журнал под подушкой и рожа, как у гориллы. Как я мог не накинуться на нее в подъезде, когда она вошла, напевая, с губами, горящими от поцелуев... У него была интересная работа, командировки по всему миру и хорошая репутация, а у меня — купленный диплом, мелкая должность под его началом и хроническая лень. Только поэтому я подстроил все так, чтобы его обвинили в растрате и выгнали из фирмы...

Они все одинаковы: что люди, что Иные, жаждущие славы, денег, крови, обнаружившие, что самый короткий путь — это всегда путь темный. Им всегда кто-то мешает и всегда кто-то в чем-то виновен».

*Сергей Лукьяненко.
«Последний дозор»*

Глава 1

Летняя жара действовала на него умиротворяюще. В холодную погоду он чувствовал внутреннее недомогание, начинали болеть суставы, клонило в сон и даже в самой теплой комнате возникало ощущение озноба. Очевидно, сказывалось его южное происхождение.

Может, поэтому летом он перебирался в Баку, поближе к морю. Выросший у моря, он не любил купаться или загорать. Ему больше нравилось созерцать эти огромные массы спокойной воды, протянувшиеся до горизонта. Каспийское море — самое большое озеро на свете.

Он любил свой родной город, так часто возникающий в его снах. И любил приезжать сюда, в свою квартиру, так похожую на московскую: и там и там были одинаковые комнаты, одинаковая мебель, одинаковые книги и одинаковые занавески. Иногда он путал места своего проживания, вспоминая, в каком именно городе он находится — в Москве или в Баку. В Риме, где жила его семья, все было немного

иначе, там не было привычных книг, привычной мебели и привычного одиночества.

Раньше он любил путешествия и книги. Теперь, побывав почти на всех континентах и более чем в восьмидесяти странах, он меньше путешествовал и больше читал книги. Эти друзья его никогда не подводили. Читать книги в Интернете он не любил, ему казалось, что это всего лишь имитация удовольствия, которое он получал от общения с настоящими книгами, пахнущими типографской краской и кожей.

В этот вечер он перечитывал Торнтон Уайлдера, когда раздался телефонный звонок. Дронго посмотрел на аппарат, перевел взгляд на часы. Около семи вечера. В доме было три телефона. Один работал в режиме записи и бесшумно включался, записывал все обращения позвонивших. Второй знали немногие друзья и знакомые. Третий был для Джил, детей и родителей. На этот раз позвонил второй аппарат, и было件нятно, что это мог быть Эдгар Вейдеманис, находившийся в Москве. Дронго взял трубку.

— Добрый вечер, — услышал он голос своего напарника.

— Здравствуй, — сегодня у него было хорошее настроение, — как у вас дела?

— В Москве жарко. Под тридцать градусов. Просто невозможно дышать. А как у вас?

— Тридцать пять. Но дышится гораздо лучше.

— Конечно. У вас же есть море. И поэтому совсем другая погода.

— Ты можешь прилететь ко мне.

— Думаю, уже завтра прилечу, — согласился Вейдеманис.

— Опять гости? — помрачнел Дронго.

— Да. Но только если ты разрешишь им прилететь к тебе. Вместе со мной.

— Такое срочное дело?

— Возможно. Ты должен сам решить, как быть.

— Что произошло?

— Два убийства подряд. Они просят тебя помочь...

— Понятно, — пробормотал Дронго. — Кого и когда убили? Если, конечно, ты можешь говорить по телефону.

— Сначала задушили охранника в туберкулезном санатории, потом выбросился из своего окна фармацевт.

— Обычный фармацевт или глава компании? — уточнил Дронго.

— Самый обычный. У него даже остались долги. Он жил в панельном доме на двенадцатом этаже.

— Я начинаю тихо сходить с ума, — пробормотал Дронго. — Один — убитый охранник в туберкулезном санатории, а второй — фармацевт, живущий на последнем этаже в панельном доме и выбросившийся из окна. Все правильно? И с кем из

их знакомых ты собираешься завтра прилететь ко мне? Ты прекрасно знаешь, я не терплю этих разбогатевших нуворишей, но какое отношение имеют погибшие к нашим расследованиям? И зачем нужно прилетать сюда и тратить последние деньги их несчастных родственников?

— Не совсем так, как ты думаешь, — возразил Эдгар. — Это была компания друзей, которые выросли в одном дворе. Кто-то преуспел, кто-то не сумел устроиться в жизни. Их было шестеро. Двое из них сейчас достаточно состоятельные люди, но дело не в этом. Они все получили конверты с вложенными листками бумаги. У охранника была цифра «один», у фармацевта цифра «два». И так далее. Ты меня понимаешь?

— Ясно, — нахмурился Дронго. — Кстати, почему фармацевт выбросился из окна? Он мог выбрать менее экзотический способ уйти из жизни. Выпил бы несколько таблеток снотворного. Или нечто в этом роде.

— Я тоже задал себе такой вопрос. И знаешь, что я выяснил? Он выпал из окна. А рядом была дверь на балкон. Обычно самоубийца выходит на балкон, оттуда легче прыгать.

— Из окна проще, — мрачно возразил Дронго.

— Что?

— Ничего. Это я так неудачно пошутил. Когда вы прилетаете?

— Завтра вечером.

— Я буду вас ждать. Собери все факты, какие сможешь. И прилетайте. Может, мы сумеем понять, почему этот фармацевт решил выброситься именно из окна.

Он положил трубку. Что-то его задело, какой-то момент в этом разговоре на него неприятно подействовал. Что именно? Почему он вдруг разозлился? Разговор с Эдгаром Вейдеманисом. С другом, которому он абсолютно доверяет. Что произошло? Какая именно фраза Эдгара выбила его из обычной колеи? Охранник? Фармацевт? Выросли вместе? Нет, не то. Эдгар сказал, что их было шестеро. Конверты? Нет, нет. Он сказал, двое из них «состоятельные люди». Вот именно эта фраза так подействовала на Дронго. Эти два слова. Получается, что ради охранника в туберкулезном санатории и запутавшегося в долгах фармацевта, живущего в панельном доме на последнем этаже, он не будет вести расследование. Так и получается. «Состоятельные люди». Конечно, Вейдеманис не хотел его обидеть, это получилось не нарочно. Но именно так и получилось. Ради несчастных людей, не имеющих денег, они не будут проводить свои расследования. Но если среди возможных жертв есть «состоятельные люди», все сразу меняется. И они согласятся им помочь.

Дронго раздраженно опустил в кресло. Как обидно. Выходит, что все его принципы никому не нужны. Он всего лишь обслуживает богатых кли-

ентов, всего лишь работает по найму. Он сжал руку в кулак. Или это не совсем так? Он пытается восстановить справедливость, найти и наказать виновных. И получает за это свои гонорары. Поиск справедливости за гонорар олигархов? Или он не прав? Любой труд должен оплачиваться. Его труд не простой и совсем не легкий. Он часто рискует своей жизнью, пытаясь найти убийцу или вычислить возможного преступника.

Он частный детектив, который не работает на государство. И поэтому он не может заниматься расследованием всех дел подряд. Но, с другой стороны, он всегда имеет право отказаться от расследования, если почувствует, что выступает не на той стороне, которая соответствует его моральным принципам. Такие случаи в его жизни тоже бывали. Тогда почему он так переживает? Дронго посмотрел на свои руки. Он пытается честно отработать свои гонорары, пытается быть порядочным человеком в огромном и не всегда порядочном мире. Как легко себя успокоить, подумал он и, поднявшись, прошел на кухню, чтобы включить электрический чайник.

Вечером следующего дня в его гостиной уже сидели Эдгар Вейдеманис и двое неизвестных ему мужчин. Старшему было лет сорок пять. Это был крупный мужчина, немного похожий на самого Дронго высоким ростом и телосложением. Крупная кость, широкие плечи, упрямый, цепкий

взгляд. Он рано поседел, располнел и поэтому казался немного старше своих лет. Незнакомец представился как Ледков Геннадий Данилович. Второй был немного моложе. Ему было за сорок. Он был среднего роста, подвижный, быстрый. Очки придавали ему несколько академический вид. Разговаривая, он немного заикался. Мелкие зубы, острый нос, небольшие уши и зеленые глаза сразу запоминались. Второй незнакомец представился как Евгений Романович Петунин.

Дронго обратил внимание на одежду обоих гостей. Первый был в дорогом костюме, у него были часы, которые стоили около десяти тысяч долларов. Галстук стоил не меньше двух сотен. Рубашка с небольшими запонками, в которые вставлены оригинальные бриллианты. На ногах обувь, которую Дронго сразу узнал. Это были черные ботинки известной итальянской фирмы. Второй был одет так же дорого, но менее изысканно. Если для первого одежда была предметом роскоши и вызова, то для второго подобный гардероб был скорее внутренней потребностью. У него был мягкий серый костюм от Балансиаги, под который он надел рубашку без галстука. Обувь у него была сшита на заказ и сделана, очевидно, в Италии. Если Ледков любил вызывающий аромат Армани, то Петунин пользовался лишь легким Кензо.

Дронго подумал, что его гости достаточно состоятельные люди, причем Ледков стал состоя-

тельным лишь недавно, а Петунин имел представление о роскоши и дорогой жизни с самого детства.

— Итак, господа, — начал Дронго, — вы прилетели ко мне из Москвы, очевидно, для срочной беседы. Полагаю, что у таких занятых бизнесменов, как вы, были веские причины бросить все свои дела и прилететь ко мне.

— Более чем веские, — кивнул Ледков. — Мы обратились к нашим друзьям, и они рекомендовали именно вас.

— Уже понял. И вы вышли на моего друга Вейдеманиса. Чем я могу вам помочь?

Ледков и Петунин переглянулись. Затем Ледков достал из внутреннего кармана пиджака конверт и положил его на стол.

— Вот, — сказал он мрачно, — мы получили такие конверты. И на каждом была конкретная цифра. Сначала мы решили, что это дурацкая игра. Никто не обратил внимания на эти конверты. Но потом задушили нашего друга. Мы даже тогда не поверили, думали, что это страшная, трагическая случайность. Никто и не вспомнил про конверты. Потом погиб второй. И тогда мы собрались, чтобы понять, как такое могло случиться.

Дронго взглянул на конверт.

— Давайте по очереди, — предложил он, — сначала про конверты. Вы достали его из внутреннего кармана пиджака довольно уверенно, не беспоко-

ясь, что там могут быть чужие отпечатки пальцев. Если я прав, то вы должны были проверить эти конверты до того, как приехали ко мне.

Ледков усмехнулся и кивнул головой.

— Верно, — сказал он, — мы проверили все конверты — никаких отпечатков пальцев мы не нашли. Вернее, не мы, а эксперты, которых мы попросили о помощи. Никаких следов. Обычные конверты, купленные на почте. Обычная бумага. И цифры написаны не ручкой, а компьютером. Шесть цифр.

— Откуда вы знаете, что их именно шесть?

— Нас пригласили в прокуратуру и спросили про эти idiotские конверты. Дело в том, что конверт с цифрой «два» лежал на столе, когда наш друг выбросился из окна. Теперь понимаете, почему мы узнали про конверты? Следователь спрашивал нас про эти конверты и цифры. Но тогда мы еще не знали, что каждый из нас получил такую «посылку».

— Кто ведет расследование?

— Московская городская прокуратура. Следователь Вакуленко. Оба дела уже объединили в одно. Она так нам пояснила.

— Она? — сразу переспросил Дронго.

— Ну да. Поэтому я сразу ей и не поверил. Разве может женщина найти убийцу? Она довольно дотошная баба, но я не очень верю в ее возможно-

сти... И вообще, женщина и расследование уголовных дел — вещи несовместимые друг с другом.

— А Агата Кристи? — улыбнулся Дронго. — Она умела придумывать загадки и находить им весьма достойные разрешения.

Ледков не ответил. Вместо него заговорил второй гость.

— Она была только п-писателем, — вставил Петунин. — Но даже м-миссис Марпл занималась м-менее сложными делами. Самые г-громкие расследования п-проводил Эркюль Пуаро.

— У прокуратуры свои возможности и свои методы, — напомнил Дронго, — и на них будет работать вся городская милиция. У меня нет таких возможностей.

— Вы отказываетесь? — удивился Ледков.

— Нет, предупреждаю. А теперь все по порядку. Итак, вы получили шесть конвертов. Какой номер был у вас?

— Четвертый, — нахмурился Ледков. — Вы не хотите сами посмотреть листок в этом конверте?

— Не сейчас. А какой номер у вашего друга?

Петунин полез в карман и достал свой конверт, положил его на столик рядом с первым.

— П-пятый, — сообщил он коротко.

— Значит, есть еще третий и шестой? Я могу узнать, кому послали эти конверты?

— Нашим друзьям, — сообщил Ледков. — Третий номер у Кима Сипакова. А шестой получил

Арнольд Кросс. Он сейчас живет в Таллине. Мы ему звонили. Он подтвердил, что получил непонятный конверт с глупой цифрой.

— Как получил? По почте?

— Нет. Ему кто-то бросил конверт в почтовый ящик. Но там нет никаких почтовых штемпелей. Чистый конверт, как у нас, с вложенным туда листком бумаги, на котором указана цифра «шесть».

— Шесть конвертов, — подвел итог Дронго, глядя на лежавшие перед ним конверты. — Насколько я понял, вы знали друг друга давно?

— С самого детства, — оживился Ледков. — Мы вместе выросли на Красной Пресне. У нас был дружный двор и своя компания...

Он посмотрел на своего друга, словно ища подтверждения.

— Д-да, — продолжил Петунин, — мы знали друг друга с детства. С Геной мы ж-жили на одной лестничной п-площадке.

— У нас два года разница, — вставил Ледков, — но мы все время были вместе. Отец Жени был главным инженером завода, самым уважаемым человеком в нашем доме. А мой отец работал в технологическом отделе заместителем начальника. У нас все друг друга знали.

— А остальные?

— Тоже жили в нашем доме. Родители Кросса были конструкторы, они переехали в Москву из Ленинграда еще до войны. А во время войны эва-

куировались в Алма-Ату и снова вернулись в Москву. У него была сестра, в которую мы все были немного влюблены. Но она вышла замуж за какого-то немца из ГДР и уехала с ним в Лейпциг еще двадцать пять лет назад.

— Кто еще трое?

— Ким Сипаков. Его отец был известным врачом, хирургом. Они получили квартиру в нашем доме и переехали к нам позже остальных. Ким младше меня на один год, он учился в другой школе, но потом перевелся в нашу. Ким был слабым, болезненным мальчиком, и его часто обижали. А мы не давали его в обиду. Сейчас он заведующий лабораторией в научно-исследовательском институте. И к этим конвертам относится очень несерьезно. Он считает, что это совпадение, и не верит в опасность.

— А первые двое?

— Байрам Низамов. Он был татарин. Его отец и дед работали дворниками в нашем дворе, и они занимали небольшой флигель. Потом его снесли. Байрам ушел после восьмого класса в ПТУ, но жизнь у него не сложилась. Он служил на флоте, потом вернулся, несколько раз менял место работы. Пил. И в результате попал охранником в санаторий. Его туда Сипаков устроил. Вот так все нелепо получилось.

— А второй?

— Борис Туричин. Его отец был геологом, по-

гиб где-то в экспедиции. Он рос с мамой и бабушкой. Лучше нас учился. Окончил школу с серебряной медалью. И пошел в медицинский, как и Ким. Только учился на фармацевта. Он всегда был немного замкнутый, развелся с женой, жил один. Следователь спрашивала у нас, были ли у него приступы депрессии. Откуда мы могли знать? Только тогда почему этот конверт лежал у него на столе перед тем, как он якобы выбросился из окна?

— И у вас нет никаких версий? — спросил Дронго. — Вы никого не подозреваете?

Ледков и Петунин переглянулись в очередной раз.

— Подозреваем, — твердо сказал Ледков, — поэтому мы и пришли именно к вам.

Глава 2

Дронго взглянул на Вейдеманиса. Очевидно, они успели поделиться своими подозрениями с его другом, тот сидел достаточно спокойно, ожидая, когда свой вердикт вынесет и сам хозяин квартиры.

— Кого именно вы подозреваете? — уточнил Дронго. — Кого-то из оставшихся в живых?

— Нет, — сразу ответил Ледков, — ни один из нас не способен на такую пакость. И просто так пугать бы никого не стал. Или так глупо шутить.

— М-мы поговорили с ребятами, — подтвердил

Петунин, — все п-получили одинаковые к-конверты, и все не п-понимают, кто и зачем их п-послал.

— Когда погиб Низамов?

— Примерно месяц назад, — ответил Ледков, — в начале июня. У вас можно курить?

— Нет, — ответил Дронго, — извините, но это категорическое требование для всех гостей. Дым потом долго не выветривается. А для некурящего человека находиться в таких помещениях крайне сложно. Если совсем не можете терпеть, выйдите на лестничную площадку.

— Потерплю, — решил Ледков, — ничего со мной не случится. Вообще-то я бросил курить восемь лет назад, и уже давно меня к этой гадости не тянуло. Но вот сейчас... После смерти Байрама и Бориса.

— Когда погиб Туричин?

— Прошло уже две недели.

— И кого вы подозреваете?

— Мы думали об этом. Учтите, что у нас разные профессии и разные интересы, — заметил Ледков, — и о нашей дружбе в детстве знают только люди, которые были с нами знакомы в те годы, примерно сорок лет назад.

— Правильно, — согласился Дронго, — если только вы шестеро получили эти конверты, значит, их мог послать человек, знавший о вашей дружбе. Может, был еще и седьмой?

— Седьмого не было. Но в нашем дворе жил